

А.И. Татаркин

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

В статье рассмотрены базовые методологические и онтологические основы, теоретические и практические результаты исследования «Мультикультурный институционализм. Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» М.Ю. Савельева, в которой предлагаются механизмы моделирования экономических систем на основе культурных ценностей. Основное внимание уделено значимости полученных автором результатов для определения приоритетов модернизации социально-экономической системы и системы управления России, столкнувшейся с деструктивными эффектами либерально-рыночной модели хозяйствования, что обуславливает актуальность исследования. В работе отражены основные гипотезы, на основе которых автором пересмотрена существующая парадигма экономической теории и ее ограниченность в области моделирования и развития институциональных преобразований с учетом культурной и ценностной индивидуальности различных обществ. Предложена модель создания нового образа международных отношений с действительно «общечеловеческими ценностями», в рамках которой доминирующему ныне либерально-рыночным нормам остается всего лишь место равноправных, а не единственно верных положений. В заключении статьи представлена практические мероприятия по созданию в России сетевого общества и экономики, основанной на верховенстве культурных, а следовательно, инвариантных норм и ценностей.

Ключевые слова: политическая экономия, традиционализм, мультикультурный институционализм, культурные ценности, сетевое общество, экономическая парадигма, координация, организация, власть потребителей, рента лояльности, бухгалтерский учет, надконституциональные нормы, экономика знаний, модернизация, самовоспроизводящаяся система, оппортунизм инвесторов, оппортунизм работников, оппортунизм менеджеров.

Текущая ситуация, равно как и историческая реальность, требуют анализа слабых звеньев в российском социуме и методах хозяйствования, в целях разработки действенных мер по созданию эффективной, самовоспроизводящейся системы. Совершенно очевидно, что можно выделить три направления, в который могла бы двигаться Россия.

Первый — слепое следование либерально-рыночному пути, несмотря на всю его деструктивность, проявившуюся в течении всего периода реформ, начавшегося в конце 1980-х годов в виде деиндустриализации, распада государства, маргинализации общества. Хотя справедливости ради, даже в этом направлении можно было получить серьезные бенефиции, если бы идеологи и исполнители реформирования советской системы не основывались на реликтовых теориях и подходах, которые уже давно устарели даже для традиционных рыночных экономик. То же платное образование, как общее, так и высшее в том виде, в каком оно внедряется в России, характерно только для некоторых стран, да и то существующее в смягченном виде, благодаря образовательным кредитам. Пенсионное обеспечение, государственное регулирование экономики, «шведский социализм», все это почему-то было проигнорировано в модели «российского капитализма». Слабым звеном российского общества была и остается нарастающая потеря управляемости социально-экономическими и всеми общественными процессами.

Второй вектор — это возвращение к социалистическим ценностям, основанной на марксистской теории. Да, не оправдали надежд, да привели к серьезному экономическому и социальному кризису, но по крайней мере, они позволяли создать видимость противопоставления рыночной идеологии «Номо Оэсопотісис», с его суицидальными наклонностями неограниченного потребления природных и человеческих ресурсов. Несмотря на кажущуюся привлекательность этого пути у марксизма присутствуют серьезные институциональные недостатки, связанные, в том числе, с его либерально-рыночным происхождением: известно, что марксистская модель была спроектирована методом диалектического отрицания европейского капитализма.

И третий путь — свой «особый путь». И здесь возникает необходимость в серьезной научной и методической поддержке. Но в условиях современной парадигмы экономической теории сделать это невозможно. Основанная на так называемых «объективных» экономических и «рациональных» идеях Запада ничего кроме вариаций не тему «рынок» — «плановость», «либерализм» — «государственное регулирование» она не может дать. Это ограничение научного аппарата. Это точно так же как попытаться

объяснить квантово-механические эффекты, ничего не зная о гейзенберговских соотношениях неопределенности на основании ньютоновско-картезианской идеологии.

Исследование «Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества» [1] одна из серьезных попыток в этом контексте, предлагающая серьезную научную основу для осуществления парадигматического перехода от доминирования западного мировоззрения в экономической науке к мультикультурной парадигме, соответствующей требованиям культур основных цивилизаций человечества.

Как отмечает автор исследования его теоретические разработки применены к условиям российской культуры хозяйствования. Им разработан проект сетевого общества, включая коллизионные средства определения надконституционных норм на международном и национальном уровнях законодательства, отношения собственности, вертикальное и горизонтальное разделение власти, институты прямой демократии, реформирование бухгалтерского учета в интересах потребителей и снятия социально-классовых противоречий, а также соответствующие изменения конституционного, гражданского, трудового, корпоративного, финансового, предпринимательского, бухгалтерского и налогового права. В исследовании сделан вывод о том, что без этих реформ российское общество неспособно преодолеть глубокий институциональный кризис развития и обеспечить долгосрочную выживаемость культуры и государства, а благодаря этим изменениям общество может приобрести институциональные конкурентные преимущества, обеспечивающие опережающее развитие в области качества жизни, научно-технических нововведений и рачительного использования ресурсов.

Одна из основных проблем, решением которой озадачен автор, связана с необходимостью преодолеть разрыв между эмпирическими исследованиями влияния культуры на деятельность хозяйствующих субъектов и деятельность органов управления территориями и институциональным описанием их деятельности с помощью разработки каузально предопределенных надконституционными правилами идеальных экономических систем. Эти идеальные экономические системы должны концептуально обслуживать проектирование институциональных положений управления хозяйствующими субъектами и территориями в условиях завершившейся индустриализации, включая поиск, выдвижение, выбор и прогноз применения неслучайных культурообусловленных критериев снятия неопределенности принятия решений относительно выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований.

Упрощенно говоря, рассматривая государственную, социальную и экономическую систему, как некую интегральную самоорганизующуюся систему, автор выстраивает инструментарий, позволяющий моделировать эффективный хозяйственный механизм, который бы соответствовал национальной структуре и культурным ценностям многонационального общества. Степень и глубина этого соответствия определяется первичностью культурно-этических норм в сравнении с экономическими.

В целях реализации этого, в исследовании были сформулированы [2] и решены следующие исследовательские задачи:

- рассмотрены и развиты методологические инструменты теоретических исследований, чтобы с их помощью можно было разработать практико-ориентированную теорию экономики и управления хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами:

- выявлены существенные признаки кризисных явлений в практической деятельности, требующие пересмотра методологических и фундаментальных оснований научного обеспечения управленческой практики [2; 3]

- в целях проектирования свободной от культурных и идеологических установок западной цивилизации будущей парадигмы экономической науки пересмотрены все существенные элементы парадигмы экономического мейнстрима [4; 5] и социальных знаний вообще [6],

- в целях разработки теоретических инструментов исследования проведен последовательный поиск общенаучных [7], социальных [8] и экономических [5; 9; 10] представлений о системах и пересмотрена сама роль теоретических экономических исследований для управленческой деятельности [11];

- исследованы основные теории завершивших индустриализацию обществ [12; 13] в условиях нарастания социально-экономического неравенства [14] на предмет поиска аутентичных незападным культурам онтологических оснований [15-18] и с помощью этих оснований увидеть новую научную картину экономического бытия [19], в соответствии с которой каждая культура имеет возможность самореализовываться в аутентичных ей экономических отношениях;

- определены аутентичные условиям хозяйствования в России и других промышленно развитых регионах мира культурообусловленные (аутентичные надконституционным условиям хозяйствования) критерии снятия неопределенности принятия решений относительно выбора методов, механизмов,

инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований [15-20];

- определена взаимосвязь между культуруобусловленными основаниями общественного самоопределения (ценностями) и доминирующими в обществе типами координации хозяйствующих субъектов и, на этом основании, построены идеальные экономические системы обществ, соответствующих культурам основных цивилизаций человечества [18; 20];

- определены требования типов координации хозяйствующих субъектов к соответствующим им типам организаций [21-22] и, в соответствии с ними, построены модели идеальных организаций [23-26] и общая для них модель неопределенности управления [22];

- определены существенные признаки (роли участников, цели, профессиональные языки, концепции, методы) типов координации и организации в зависимости от доминирующего в обществе типа координации хозяйствующих субъектов [23-26];

- на основании построенных идеальных моделей координации и организации предложены решения важнейших институциональных проблем: оппортунизма инвесторов [23], оппортунизма работников [24], суверенитета потребителя [25] и оппортунизма менеджеров [26];

- разработаны прикладные модели организаций и проекты стратегий преобразования хозяйственной и политико-экономической деятельности в соответствии с выявленными культуруобусловленными критериями и теоретическими результатами:

- коллизионные средства межкультурного взаимодействия на международном и национальном уровне [27; 28],

- власть потребителя над организациями [25; 28],

- вертикальное разделение власти на надконституционный, конституционный и субконституционный (бюджетно-экономический) уровни [6; 28],

- новое горизонтальное разделение власти на четыре (законодательная, исполнительная, судебная и контрольная) ветви с отказом от института представительной демократии в пользу института прямой демократии [25; 28],

- изменения в системе учета и контроля человеческого, социального и организационного капитала, инвестиционной и управленческой деятельности [24-26; 29-31],

- институциональные средства ведения гибридных войн [32],

- изменения в технологиях профессиональной подготовки управленческих и экономических кадров [3; 33-36],

- структурно-институциональные изменения управления предпринимательской активностью [37-39], территориального управления [40-44], денежно-кредитной, бюджетной и финансово-инвестиционной сферы [30; 31; 39; 42; 45-47], отдельных отраслей экономики [48-50] и методических проблем [51-52].

Актуальность этого и подобных исследований и их практическую значимость переоценить очень сложно. В условиях идеологического кризиса и отсутствия национальной идеи, что по большому счету является миссией «проекта Россия», можно констатировать наличие социально-политического заказа на модернизацию общественных и экономических отношений в России. На фоне внешнего, яркого и острого противостояния, который наблюдается в настоящее время на мировой арене, внутренняя незащищенность, разобщенность в обществе и отсутствие культурной основы для социально-экономической деятельности, на самом деле, намного опаснее для государства, для его целостности, чем «внешний враг», злейший из которых является «международный инвестор». Эти проблемы не так заметны, но они глубже, значительнее и их возможные последствия могут оказаться намного значимее.

Перепроектирование парадигмы и методологии экономической науки

В первой главе [1] автор определяет методологические основания перепроектирования господствующей парадигмы экономической науки. Эта нетривиальная задача построена на следующих допущениях:

- социально-экономические отношения определяют не производительные силы, не уровень развития технологий, не мотивы людей и не набор формальных институтов, так как все эти среды экономической деятельности на поверку изменяются намного быстрее, чем собственно общественные отношения;

- культура, являясь еще более инерционной средой, чем общественные отношения, является основным фактором или основной средой формирования системы норм хозяйственной деятельности и управления в этой сфере;

- в каждой культуре элементы иерархии знаний связаны между собой требованием непротиворечивости;

- все управленческие культуры разных цивилизаций имеют инвариантные относительно локальных культур стадии развития: экспертную, рефлексивную и методологическую.

В экономической науке уже неоднократно возникали методологические дискуссии, существенно изменившие деятельность не только научного сообщества, но и всего человечества. Здесь можно вспомнить дискуссии между классической школой и меркантилизмом, между либерализмом и марксизмом, между исторической школой и маржинализмом, между неоклассической школой и кейнсианством, но только первая из этого перечня может претендовать на статус научной революции. Потому что в ходе этой дискуссии были пересмотрены все элементы господствовавшей тогда научной парадигмы: и экономическая картина мира, и ценностно-целевые установки, и логика доказательства истинности научных выводов, и основная научная проблема, и базовые категории экономической науки. В рассматриваемом исследовании автор показывает, что в настоящий момент экономическая наука подошла к новому революционному изменению всех своих методологических основ, т.к. западная экономическая наука стала важнейшим ограничением самостоятельного развития экономик многих цивилизаций мира, в т.ч. и российской цивилизации. Для решения этой проблемы, опираясь на достижения отечественной школы общей методологии, М.Ю. Савельев предлагает целенаправленно спроектировать все элементы новой парадигмы экономической науки:

- вместо уже давно (со времен Шумпетера и открытия остатка Солоу) наметившегося признания знаний в качестве основного источника богатства предлагается зафиксировать, что источником богатства являются не столько технические нововведения, сколько институциональные средства осуществления этих нововведений; ключ к конкурентоспособности которых находится не в выборе размера организации (фирма или плановая экономика) или формы собственности (государственная или частная), а в соответствии этих институтов культуре конкретного общества;

- вместо протестантско-либеральной этики, как базовой ценностно-целевой установки западной экономической науки, предлагается рассматривать в качестве таких оснований ценностно-целевые установки всех основных мировых культур, создавая тем самым институциональную возможность формирования действительно общечеловеческих ценностей и настоящего мультикультурного глобального мира, и исключая тем самым из гуманитарного обращения современные вестернезированные заменители и общечеловеческих ценностей и мультикультурных моделей развития;

- вместо доминирования каузальной логики, искусственно (и необоснованно) привнесенной в экономическую науку из естественных наук, предлагается использовать вероятностную логику доказательства научных выводов, тем самым фиксируя возможность применения множественности логик в экономической науке, создавая тем самым предпосылки и не только для создания многообразия культурных оснований научных школ будущей парадигмы экономической науки, но и для многообразия логических средств как научной, так и управленческой деятельности, а также окончательного отказа от гипотезы рациональности поведения хозяйствующего субъекта;

- вместо проблемы оптимального распределения ресурсов средствами научно-технических нововведений предлагается поставить в центр экономической науки проблему разработки управленческих технологий, обеспечивающих эти нововведения;

- вместо понимания традиционной экономической системы, основанной на детерминированности, объективности закономерностей, причинной обусловленности, устойчивости, равновесности, однородности, линейности и предсказуемости изменений, поступательности развития, симметричности и пропорциональности воздействий и реакций, предлагается отказаться от всех этих признаков, фиксируя, что важнейшими слабыми сигналами, сильно воздействующим на экономическую систему являются ценности – основа каждой культуры.

Непонимание того, что культура и обусловленные ей общественные отношения первичны, по сравнению с «объективной» «невидимой рукой рынка» и «экономическими свободами» либерального метода хозяйствования, приводят к попыткам государства и власти примирить непримиримое. Какие инструменты применяет власть — известны. «Вертикаль власти», концентрация социальной ответственности на федеральном уровне, перманентная административная реформа, все это не более чем косметическая попытка подправить разваливающийся фасад либерально-экономической основы, которые не работают в российской культурной действительности. Это надстроечные элементы, которые никак не могут скрыть дефекты базиса.

«Культурное неравенство», «неравномерность» и уникальные социальные традиции — это основа синергии экономического развития — подчеркивает автор. И этот эффект нивелируется попытками стандартизировать все и вся в соответствии с западным пониманием прав и свобод человека, по сути сводящиеся к получению дохода. Прибыль становится святыней и неприкосновенной ценностью. С этой точки зрения остроумное замечание автора, что для западного человека «карикатуры допустимы на Мухаммеда, потому что от этого не зависят доходы мусульман» [2], объясняет почему в современной

реальности западный человек не понимает того, что же так задело носителя исламской культуры. И точно так же наоборот — последний не понимает того, почему же европейцу так важно сохранить право и возможность карикатурно паясничать по поводу чуждых ему культурных ценностей.

В связи с этим новая парадигма должна отражать этические взгляды не только европейцев, они должны быть мультикультурны, основывающиеся на действительно общечеловеческих ценностях, в числе которых европейские ценности займут свое достойное, скромное место, а не будут доминировать, как это сейчас можно обнаружить в международных отношениях. По большому счету, это снимает и вопрос об эффективности рыночной и плановой экономики. Они эффективны в соответствующих им культурных средах. В иной культурной среде не только может быть реализована иная форма хозяйственных отношений, но она будет единственной, которая позволяет развивать эту среду.

Что касается России, то без определения действительных культурных приоритетов, без понимания модели действительно устойчивой и самовоспроизводящейся системы [8], все попытки каких-то кардинальных изменений будут приводить к ухудшающим последствиям. Волонтаристская «жесткая вертикаль власть», административное деление, «национальная идея» на какой-то период позволяют решать определенные и достаточно узкие задачи, но оказываются неэффективными и даже вредными в средне- и долгосрочной перспективе. Должен быть сформулирован заказ на преобразования. Только вопрос в том, а кто заказчик? У рыночных реформ 1980-1990 гг. тоже был заказчик. И как показала практика этот заказчик получил в результате максимальные бенефиции. Заказчиком преобразований в России должен стать как можно более широкий слой населения. Забегая вперед отметим, что в исследовании в качестве такового определился «потребитель», то есть все мы [25].

Пока же, как отмечает автор, в России «сформировался социальный слой собственников, который воспроизводит реформы во все новых и новых сферах социальной жизни, и не просто не способный к развитию общества, а продолжающий разрушать экономику страны. В этом смысле отношение правящей российской элиты к разделу Грузии или присоединению Крыма полностью укладывается в этот сложившийся стереотип поведения. Реформы А. Б. Чубайса удалась, но проект его реформ не соответствовал требованию воспроизводимости [6], культуре российского общества и по этой причине почти не оставил отечественной цивилизации шансов на выживание». В противовес этой антисистеме, предлагается новая модель управления, перераспределения ресурсов и средств производства и даже учета для полноценного функционирования самовоспроизводящейся социально-экономической системы в качестве которой есть смысл рассматривать Россию, как государственное и культурное образование, которая по большому счету требует либо социальной революции, либо метауправленца [6]. Последний выгоднее, поскольку он прогнозируем, эффективен и проектируем.

Практически, по мнению автора, это означает вертикальное разделение власти на два или более уровня. Решение этой задачи приведет к снижению давления излишнего централизма, от которого, кстати, задыхается уже сам федеральный центр, так и не научившийся правильно делегировать полномочия. В действительности, в управлении и формировании стратегии развития должны участвовать не только федеральный центр, но и регионы, муниципальные образования, отдельные группы населения и граждане. Технически сегодня это возможно. Сетевая демократия времен древнегреческих полисов, которая была возможно благодаря принципу «одного рукопожатия», в соответствии с которым все граждане знали всех, сегодня реализуется благодаря высокому уровню развития информационных технологий и наличию широко спектра экспертов по любому животрепещущему и практическому вопросу. Осталось объединить их для принятия управленческого решения.

В первой главе автор развивает формулирует и развивает принципы синергетического подхода для достижения целей проводимого исследования. Фактически они позволяют определить так называемые «слабые» воздействия культурных особенностей на высокочувствительную систему управления, которые приводят к неожиданно сильным и масштабным изменениям, вплоть до её полного разрушения. Синергетический подход [8] позволил автору осуществить моделирование сложных иерархических самоорганизующиеся социально-экономические системы с учетом их знаниевых параметров. Знаниевые параметры при этом выступают в качестве параметров порядка, которые позволяют существенно упрощать многофакторные системные задачи управления вообще и проектирования в частности, уменьшать размерность пространства параметров исследуемых систем по критерию управляемости.

На основе синергетического подхода и критериев устойчивости самоорганизующихся систем в исследовании осуществлено моделирование различных социально-хозяйствующих систем характерных для различных культур, существующих в настоящее время на Земле, путем вариарования знаниевого параметра. При этом, автор исходил из принципа, сформулированного Дж. фон Нейманом (John von Neumann), который показал, что самовоспроизводящая система [8] должна состоять как минимум из четырех устройств со следующими функциями:

- устройство по сбору и переработке сырья в продукт в соответствии с задаваемыми инструкциями – воспроизводящее устройство;
- устройство по снятию копий с таких инструкций – копирующее устройство;
- запоминающее устройство, содержащее полную запись инструкций, обеспечивающих производство конечного продукта, включающего четыре блока действующего автомата;
- контролирующее управляющее устройство, регулирующее операции обмена информацией между тремя другими блоками.

Стоит отметить, что вопрос устойчивости саморазвивающейся социально-экономической системы нетривиальный и определяется целым рядом факторов внутрисистемного и внесистемного характера, который включает целеполагание и комплексную оценку достигаемых результатов, имеющиеся ограничения, противоречия между общими и индивидуальными интересами элементов системы, уровень информированности органов власти и управления и другие составляющие.

Сегодня очень сложно ответить на вопрос, почему многие социально-экономические объекты, по всем внешним признакам относящиеся к саморазвивающимся системам, на практике не могут реализовать принцип саморазвития. Но в любом случае, в рамках таких систем неизбежно выделяются два основных блока — блок основной деятельности и блок развития. Если блок основной деятельности обеспечивает базовые условия существования, то блок развития призван генерировать и осуществлять инновационные по своей сути проекты, чтобы система могла получать соответствующие эффекты в будущие периоды.

Каждый саморазвивающийся элемент системы должен приложить определенные усилия в данном периоде, чтобы получить эффект в будущие периоды. Стимулом к саморазвитию может быть внутренняя мотивация элементов, которая непосредственно связана с культурными ценностями общей системы, связанная с их «дальновидностью», или управляющие воздействия центра.

С этой точки зрения, в современном российском обществе отсутствует блок развития, который позволяет осуществлять инновационные по своей сути проекты, который в модели Дж. Фон Неймана определен как «воспроизводящее» устройство. Да и качество остальных трех устройств (управление, запоминание, копирующее) вызывают множество сомнений. В частности, «управляющий» блок заметно деградирует. Следуя логике выбранного либерально-рыночного курса Российское государство не просто «уходит из экономики», отказываясь от регулирования цен и тарифов на жизненно важные товары и услуги или повышая их в интересах государственных и олигархических корпораций, государство минимизирует свое участие в развитии социально значимых сфер и поддержании социального благополучия в общественном развитии, оставляя все на усмотрение «невидимой руке рынка». Российское государство уходит от ответственности за социально-экономическое и общественное развитие, оставив российское население и большинство игроков рынка на произвол спекулятивного и олигархического капиталов, но обезопасив себя навязанными обществу правовыми, организационно-политическими и производственно-финансовыми «институтами защиты», а не развития. При отсутствии всех необходимых составляющих «устойчивой системы» Российское государство и власть постепенно теряет свой авторитет и целенаправленно трансформируется в механизм отъема ресурсов у собственного населения.

Здесь стоит остановиться еще на раз на том, почему марксизм в своем чистом виде является не самым удачным выбором для России. Казалось он уже потерпел поражение в нашей стране, но есть определенная часть населения, которая испытывая ностальгию по «тем временам», почему-то считает, что это «наш путь». На самом деле марксизм так же чужд российской культуре, как и либерализм. Его невозможно чуть-чуть подправить, чтобы все получилось. «Марксизм обосновался на принципе экономического детерминизма. С точки зрения марксиста, управляющими параметрами общества являются производственные отношения, характеристикой неустойчивости – классовая борьба и социальная революция, параметром порядка – поведение собственника (в неомарксизме – управленца) средств производства, подчиненными модами – поведение несобственников, иерархическими уровнями – возникающие социальные группы (эксплуатируемые и эксплуататоры) и социальные институты. Эти последние, более высокие иерархические уровни, марксисты нарекли надстройкой и особо не изучали, хотя, как показала практика осуществления марксистской доктрины, именно эти надстроечные уровни (государство, партия) оказывают на структуру общества значительно большее воздействие, чем предполагалось классиками» - пишет автор.

По сути это есть главный недостаток марксизма не только в его российском варианте, но и с точки зрения основных принципов институционализма, которые можно определить следующим образом: с одной стороны, индивид ограничен существующей институциональной структурой, с другой – может менять эту структуру в соответствии со своими предпочтениями. Сердцевиной институционального описания экономических систем является эволюционный характер развития институциональных структур. В этом смысле современная институциональная теория вплотную смыкается с эволюционной экономической теорией и может рассматриваться как единое целое – институционально-эволюционная

теория. Игнорирование этого приводит к нежизнеспособности марксизма в чистом виде не только в России, но и в любой иной социально-хозяйственной системе.

Системы управления экономикой определяются множеством или, как пишет автор исследования, «вакханалией норм управления» [11]. При этом, инвариантными нормами и базовыми основаниями проектирования систем управления являются культурные и этические ценности, которые являются таковыми в силу безусловного побуждения к действию. Представленная в этой главе культурологическая концепция раскрывает в общем смысле иерархию норм и правила взаимодействия между разными иерархическими уровнями.

В качестве некоторых промежуточных выводов, которые следуют из первой главы монографии укажем следующие:

- экономика – это наука о нравственности [11], это поистине «живая» этика, явленная исследователю не в исключительных подвигах и наставлениях пророков, а в миллиардах ежедневных дел простых людей;

- возможности государства или хозяйствующего субъекта зависят не от его финансовых ресурсов, а от предполагаемых информационных ресурсов, не от количества чужих обязательств в его распоряжении, а от способности выполнить свои собственные обязательства (эмиссия производящих обществ) или даже от того, что думают о его способности выполнять свои обязательства другие (спекулятивная эмиссия);

- независимо от происхождения общественного закона – выведен он в ходе научного исследования или получен из ненаучных источников, – он по определению выполняет роль нормы, и эта его роль – важная.

Онтологические основания пересмотра экономической картины мира

Во второй главе автором предложены онтологические основания пересмотра экономической картины мира. В главе представлены результаты исследования наиболее популярных сущностных представлений об экономическом бытии: постиндустриальном экономическом развитии, глобализации и традиционализации экономических отношений, проблемы социально-экономического неравенства.

Принято считать, что мы живем в постиндустриальном мире [12], где реализована так называемая «экономика знаний». В современном мире частная собственность на информацию и знания (бренды, базы данных и т. п.) становится основным источником прибыли, тем самым усиливает социальную дифференциацию и при этом несколько не повышает свободу вертикальной мобильности, которая реально могла бы уменьшить остроту классовых конфликтов. Социальное неравенство в современном мире продолжает возрастать, при этом нарастает оно не в рамках одной группы социальных институтов, а между группами социальных институтов: между отраслями и территориями.

Мировые тенденции прослеживаются и в российской действительности. Ничего в этом удивительного нет, поскольку Россия стала частью глобального мира. Неспособность отечественного производства обеспечить потребности модернизации необходимым оборудованием и товарами вынуждает увеличивать их импорт. Идея импортозамещения тоже вызывает много сомнений. Поставленная руководством страны задача вывести к 2020 г. российскую экономику в число пяти ведущих экономик мира уже даже не очередная политико-идеологическая риторика, а мифотворчество. При этом, как никогда раньше обнажились проблемы территориального и отраслевого социального неравенства. В 2010 году все регионы Южного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов получают дотации из федерального бюджета. Очевидно, что хроническая убыточность 85% регионов, 90% муниципалитетов и трех из восьми федеральных округов не может рассматриваться как нормальное явление или «козни темных сил».

В этих условиях, опираясь на основные преимущества «экономики знаний» очень важно определиться с механизмом отчуждения результатов труда и инструментальными методами управления территориями. Те демократические механизмы, которые работают в нашей стране вызывают большие сомнения. Их эффективность, по мнению автора, предполагает высокую ответственность каждого участника демократического процесса или хотя бы рациональное поведение. Мы видим, что их отсутствие привело к полному недоверию к институтам власти, когда она – власть, легальна, но не легитимна, поскольку не одобряется, не поддерживается или игнорируется большинством населения.

Усугубляет ситуацию и тот факт, что существующая в России, да и во многих других странах, которые по принятой традиции относят к неразвитым, отсутствует постиндустриальная экономика. Преобладание сферы услуг над производственной сферой — это просто экономика, решившая проблемы избыточной рабочей силы. Хотя здесь можно отметить, что и во многих развитых странах имеет место этот же феномен. Им не удалось построить экономику, производящую знания. В лучшем случае систему потребления знаний, которая по сути является виртуальной, финансово-спекулятивной и ростовщической

экономикой. Как происходит смерть цивилизаций, оказавшихся в тисках такой системы можно наблюдать прямо сейчас, в режиме реального времени.

Исходя из таких критериев как основной объект инвестиций, формы извлечения дохода из этого объекта инвестиций, общественных инструментов, обеспечивающих устойчивость получения дохода и идеологии элиты, в исследовании классифицированы типы экономического развития страны, завершившие индустриализацию. Автор, анализируя страны, вышедшие на постиндустриальный уровень, приходит к выводу, что постиндустриальное общество — это устойчивая фаза индустриального, которое на самом деле есть результат процесс возврата человечества к стереотипам охотника и собирателя на новом кормящем ландшафте, имеющем не природное, а антропогенное происхождение. Стереотип поведения изменился, а частная собственность как «аграрный атавизм» или поведенческий стереотип аграрного общества остались. Сохранение этого института как ценностного в англосаксонской культуре является скорее не правилом, а исключением, обусловленным традицией, сродни таким институтам как, например, конфуцианская этика в Китае, кастовая система в Индии или исламское право в мусульманских странах.

Важнейшим отличием предложенной автором концепции современного общества от концепции постиндустриального общества является то, что она не направлена на идеологическое обеспечение экспансии западной культуры как единственно прогрессивной, а ставит ее в один ряд с другими, не менее важными для человечества формами развития, так как предполагает, что форм переходов в урбанизованное общество может быть множество.

При этом, из всех множеств таких форм в России была выбрана самая неэффективная или даже самоубийственная теоретико-методологическая основа управления общественным развитием, опирающаяся на догмы и постулаты либерально-рыночных теорий, показавшая свою эффективность только как механизм обогащения чиновников и олигархов, социального и политического расслоения российского общества, закрепления «вертикали власти» вплоть до отдельного гражданина. Не считаясь с мнением населения собственной страны, руководство страны продолжает возводить какую-то странную химеру в образе «капиталистического рынка» и «тоталитарноподобного» централизованного управления одновременно.

Этот архаизм совершенно не позволяет воспользоваться преимуществами «экономики знаний» при которой именно знания становятся основным фактором развития, на их развитие направляется основные инвестиции. Они наделяют частую собственность душой капитала, но их обращение построено по совершенно дикой схеме, когда неотчуждаемое свойство почему-то регулируется нормами и правом характерными для материальных объектов. Как пишет автор, ситуация аналогична рабовладельческой эпохе, когда нарождавшееся аграрное общество породило частную собственность одних людей в отношении других, несмотря на то, что это противоречило природе управления и развития аграрного хозяйства. Ныне человечество пришло к выводу, что рабство несовместимо с естественными правами человека. Скорее всего, такая же судьба ожидает и современные права на знания, предполагается в исследовании.

Это в чем-то определяет и основное экономическое противоречие современной эпохи [13]. Противоречие между формами извлечения дохода из знаний и природой управления и развития знаниепроизводящей экономики. Формулировка этого противоречия позволяет определить и основное направление проектирования систем управления. Эти системы должны обеспечить максимальную доступность знаниевых ресурсов для лиц и организаций, находящихся на управляемой территории. В этом ключ к конкурентоспособности любой территории, страны, цивилизации.

Проблема ключевая для России. Во многом неуспех «инновационного курса», объявленного главой государства в 2008 году обусловлен архаичной системой обращения результатов интеллектуальной деятельности. В тот период, множество копий было сломано по поводу совершенствования существующей в России системы авторского и патентного права. Возможно, когда-то оно и считалось эффективным и это «когда-то» приходилось на эпоху становления капитализма, дикого накопления капитала и индустриализацию. Но для «знаниевой экономики» - это не более, чем пережиток. Возможно, кстати, что успех модернизации Китая во многом объясним тем, что эта страна полностью игнорировала «западную» форму частной собственности на знание. Кто-то считал это обычным воровством, но как показала практика — это протест против архаичного обращения знаний, почему-то сохраняющегося в либерально-рыночной системе.

Еще одно заблуждение, которое отметил автор, касается идеи о том, что рыночная конкуренция обеспечивает максимальную скорость технического прогресса. То же патентное право является серьезным препятствием на пути модернизации производственных фондов. Ни один капиталист не станет вкладывать в их обновление до тех пор, пока не окупит инвестиции в «приобретение» знаний или трансфер технологий. В условиях рыночной конкуренции побеждает не тот, кто делает более совершенное

техническое решение производит дешевле или быстрее, а тот, у кого большой запас финансовой прочности. И здесь становится совершенно очевидным, что российскому бизнесу на выдержать борьбы за рынок, если играть по либерально-рыночным правилам. Очевидно хотя бы потому что, он обладает очень скудными финансовыми средствами на фоне транснациональных компаний.

России приходится существовать в мире, где происходит активное смещение центров принятия решений с национального уровня на наднациональный и субнациональный. Особенно активно эти процессы происходят в Европе, менее заметно – в Восточной Азии и Америке. В Исламском мире центр принятия решений сместился с национального на негосударственный международный уровень. При этом государства там все более становятся не субъектами, а инструментами политики организаций, не имеющих национальной идентичности. В современных условиях государства все менее являются территориальными объектами и сплошными территориями, как это было в аграрную эпоху, а все более – точечными территориальными объектами (военные базы, месторождения стратегических полезных ископаемых, транспортная инфраструктура и т. п.) и виртуальными объектами (валютная система, бюджет, СМИ, иные социальные институты), что требует иной, нетерриториальной функционально-институциональной структуры власти.

Эти процессы усугубляются в России рядом факторов, которые приводят к снижению управляемости страной. Первое — это, как уже указывалось выше, ошибочно выбранная теоретико-методологическая основа управления общественным развитием, опирающаяся на догмы и постулаты либерально-рыночных теорий. Второе — низкая управленческая квалификация как государственных и муниципальных руководителей, так и представителей государственного бизнеса или компаний с государственным участием. Личная лояльность становится основным критерием кадрового отбора и карьерного роста. Это порождает вседозволенность и безответственность, коррупциогенность власти, приоритет преданности перед правом. Третье — отсутствует продуманная и поддержана обществом стратегическая программа социального и экономического развития. Даже несколько сплотившие население «внешние конфликты» на самом деле обеспечивают только временный эффект, поскольку власть продолжает действовать таинственно, импульсивно и не всегда последовательно. Воровская экономика, сложившаяся в 1990-е и 2000-е годы, еще долго будет поводом для недоверия населения власти и бизнесу, особенно крупному бизнесу. Даже несмотря на внешнюю угрозу.

На самом деле это достаточно предсказуемое и принципиальное явление с точки зрения современных методик управления саморазвивающимися системами отличаются двумя принципиальными недостатками. При недостаточной степени дальновидности у какого-либо из элементов системы снижается и даже исчезает интерес к развитию, особенно с целью реализации общесистемных потребностей и приоритетов. Во-вторых, даже при достаточной степени дальновидности такой элемент далеко не всегда будет заинтересован брать на себя напряженные обязательства, демонстрируя заниженные оценки своих возможностей и требуя дополнительных усилий и ресурсов. Это и приходится наблюдать в условиях современного российского общества.

В главе делается еще один вывод, о том, что так называемой «невидимой руки» Адама Смита попросту не существует. И в первую очередь потому, что базисное понятие «симметричный обмен» существует только как концептуальная редукция [16]. Если базовые характеристики участников обмена качественно отличаются по нескольким параметрам (величина общего богатства, уровень удовлетворяемой потребности, редкость обмениваемых ресурсов, идеологические и иные информационные асимметрии и т. д.), то обмен не просто неэффективен, а вынужден. Это точно асимметрия. Со всеми признаками несправедливости, эксплуатации и ущерба общественным интересам. Из четырех возможных сочетаний сочетание «равенство – индивидуализм» – самое неустойчивое. И концептуально, и практически. Это породило еще одно важнейшее качество европейской цивилизации – расширение, как средство обеспечения устойчивости бытия индивида.

В европейской культуре все пропитано идеей расширения: от крестовых походов и великих географических открытий до системы бухгалтерского учета, от научных исследований до общества потребления. Европейцы всегда жили в условиях расширяющегося мира. Такая ситуация породила представление о хозяйственной системе в форме линейной и экспоненциальной модели, по которой в хозяйственный оборот вовлекается все больше и больше ресурсов и получается все больший и больший результат. Эта модель является основой систем управления (прогнозирования, планирования, финансирования, контроля и т. д.) и зафиксирована в методологии бухгалтерского учета в форме принципа функционирующего предприятия. Она стала концептуальной основой таких хозяйственных операций, как операции с векселями, кредитами, займами, облигациями, т. е. формами экономических отношений, построенных по методике оценки стоимости денег во времени.

Совершенно очевидно, что эта идея при ближайшем рассмотрении обнажает самое уязвимое место западной модели развития. Ограниченность ресурсов в планетарном масштабе, ограниченность рынков

является естественным пределом для рыночной экономики. И ее апологетам постоянно приходится изобретать новые размерности для расширения. Либо раздвигать временные рамки, путем спекулятивного кредитования, либо создавать псевдоинновационные продукты, провоцируя потребителей приобретать то, без чего они могли бы обойтись, либо насильственным путем устранять конкурентов или сторонников нерыночного пути развития. Россия, выбрав либеральные ценности выбрала и идею расширения, включая все негативные её составляющие.

Исследовав саморазвивающиеся системы на макроуровне, автор монографии большое внимание уделили теории фирм, то есть саморазвивающихся систем на микроуровне. Приобретя менеджерский инструмент – современный бухгалтерский учет, который позволял надежно фиксировать в документах доказательства хозяйственных операций вместо гарантии истинности показаний перед лицом религиозного авторитета средневековые светские государи оказали конкуренцию институту католической церкви. С этого и начинается создание института современных юридических лиц, имеющих в своей природе множество иррациональных элементов, начиная от астрологических критериев периодичности бухгалтерских и финансовых отчетов, что приводит к мистификации решений и заканчивая наделением юридических лиц антропоморфными свойствами, благодаря чему они являются субъектами права. Homo Oeconomicus получил свое воплощение в юридическом лице - Collegium Oeconomicus, которое вобрало в себя все недостатки своего человеческого прототипа. Стоит отметить, что этот подход противоречит первому положению методологического подхода Д. Норта институционального описания экономической системы: только индивиды могут иметь свои интересы и преследовать свои цели. И для него, — такого юридического лица, - существует только то, что создает положительный денежный поток.

Отсюда проблемы, связанные с имманентной неустойчивости экономики, построенной на деловых связях, которые каждая из сторон каждый момент времени ставит под сомнение, проблемы с управлением, оппортунизме инвесторов, управляющих и работников предприятий и организаций.

Мифологизация абсолютной ценности человека основывалась на допущении его рациональной природы, его рационального мышления. Неудивительно, что потребности такого «мифического человека» также оценивались как рациональные и обоснованные. Исключалось какое-либо ограничение потребностей «свободного человека», которое, как казалось, навязывалось ему клерикалами. Этика рационального эгоизма, как известно, легла в основу системы экономического мировоззрения европейской цивилизации. И это этика легла в основу европейских институтов, сиречь организаций и предприятий. В этих условиях рыночная экономика пронизывает всю социальную систему Европы, а социализм и демократия – инструменты надстроечной компенсации негативных последствий существования базовой рыночной системы.

В качестве таковых социализм и демократия оказались неэффективными для нерыночных и псевдорыночных экономик России, Латинской Америки, Исламского мира. В первых двух случаях базовая, то есть социалистическая модель хозяйствования хотя и приводит к снижению транзакционных издержек, но теряет гибкость и динамичность в условиях сетевого общества, то есть общества с иррациональными для европейца связями. Что касается демократических механизмов, то они качественно уступают аутентичным для россиян и латиноамериканцев сетевым механизмам интеграции общества, таким как патернализм правящей элиты, семейственность и клановость и т. п. Результаты выборов и отношение к ним россиян подтверждают этот вывод.

Что касается исламского мира, то в нем реализован принцип главенства гражданского общества над государством. Даже войны в исламском мире сейчас ведут не государства, а сами общества. Исламский же индивидуализм имеет особую поправку: базовая социальная единица там не индивидуум, а семья. Решение в Исламском мире принимается не демократически, не консенсуально, не авторитарно, не тем, кто обладает наибольшим количеством богатства, а тем, кто обладает наибольшими знаниями.

Исламский мир создал четвертую религиозно-экономическую норму, в дополнение к «не укради», «кесарю кесарево» и милостыни. Пророк Мухаммед на фоне порицания займов под проценты ветхозаветскими пророками и Иисусом Христом просто запретил взимание процентов [17]. Такая модель рыночной экономики исключает кредитное инвестирование и финансовый риск, что создает качественно более устойчивую экономическую систему.

В качестве основных выводов, сделанных во второй главе монографии можно указать следующие:

- столкновение более эффективной и менее устойчивой и справедливой экономической системы Запада с менее эффективной, но более устойчивой и справедливой исламской экономической системой и является экономической основой крупнейшего мирового конфликта современности. Учитывая долгосрочное снижение темпов экономического роста реального сектора мировой экономики, можно сказать, что у западной модели нет будущего. Видимо, ближайшие полвека уйдут на то, чтобы мировое сообщество приняло исламские экономические принципы;

- сетевые общества не способны результативно применить ни модель рыночной, ни модель иерархической координации, которые по тем или иным причинам активно отторгаются или игнорируются этими обществами;

- конфликт между развитыми и развивающимися странами как разновидность классового конфликта, приобретшего международный характер;

- особенности социального неравенства, особенно в его территориальном аспекте, становятся важным условием проектирования систем управления, являясь основополагающей проблемной характеристикой как процессов перехода к постиндустриальному развитию, так и процессов глобализации. Действительно, если формы неравенства были бы одинаковы, то для управления этими асимметриями нужны были бы одинаковые системы управления.

- территориальный принцип управления не эффективен и приводит к перенаселенности урбанизированных районов и экологическим проблемам, консервации и нарастанию проблем неокOLONIALИЗМА, зависимости, экономической отсталости, безработицы, бедности и неравенства стран третьего мира, демографические, продовольственные и энергетические проблемы.

- территориальное неравенство является и причиной, и следствием конкуренции территорий в современном глобализованном мире. Эту конкуренцию можно наблюдать на всех иерархических уровнях: от конкуренции между территориями, населенными представителями разных культур, до конкуренции между близлежащими населенными пунктами. Проекты по снижению территориального неравенства – одно из важнейших средств этой конкурентной борьбы [14; 16].

Общая экономическая теория цивилизаций и институты микроэкономики

Третья глава монографии посвящена общей экономической теории цивилизаций и институтам микроэкономики. Здесь автор исследования определяет основные принципы общественного самоопределения, которые разворачиваются в культурно-историческом пространстве каждой цивилизации по определенным правилам. В качестве абстрактных обобщений ценностей в исследовании определены коллективизм, индивидуализм, равенство и неравенство. Комбинации дихотомических пар с предельными параметрами ценностных норм позволяют определить четыре типа культур с соответствующими им центральными культурно-историческими проблемами и средствами их разрешения.

Реализация принципов равенства и индивидуализма выражается в дифференциации людей по одному фактору и порождает однообразное общество с отсутствием интереса людей друг к другу. В этом обществе результаты и продукты деятельности становятся выше своего творца и подавляют его. В этом суть культурно-исторического феномена отчуждения. Снятие этого противоречия стало возможным при введении в культурный контекст в качестве стержневого ценностного средства принятия решений категории «свобода».

Реализация принципов неравенства и индивидуализма выражается в дифференциации людей по множеству факторов и порождает разнообразное общество с отсутствием интереса людей друг к другу. Воспроизведение таких отношений формирует проблему несоответствия сущности человека его положению в обществе, понимаемую как обособление и несправедливость. Снятие этого противоречия стало возможным при введении в культурный контекст в качестве стержневого ценностного средства принятия решений категории «справедливость», в соответствующих культурно-исторических контекстах принимающей различные формы распределения, «воздаяния» и т. п.

Реализация принципов равенства и коллективизма выражается в унификации людей по одному фактору и порождает однообразное общество с заинтересованностью людей друг в друге. Воспроизведение таких отношений формирует следующие проблемы: закрытость общества, отсутствие стимулов к развитию, уравниловку. Снятие этого противоречия стало возможным при введении в культурный контекст в качестве стержневого ценностного средства принятия решений категории «доверие», в соответствующих культурно-исторических контекстах принимающей формы уравнительной справедливости, «всеобщей любви» и т. п.

Реализация принципов неравенства и коллективизма выражается в унификации людей по множеству факторов и порождает разнообразное общество с заинтересованностью людей друг в друге. Воспроизведение таких отношений формирует проблему консолидации общества, унификации разделения труда, социальной инженерии, экономической и военной мощи, единомыслия, монополизации власти, а в предельном случае - террор, отрицание культурно-исторического контекста развития общества, что в XX веке было определено как тоталитаризм. Снятие этого противоречия стало возможным при введении в культурный контекст в качестве стержневого ценностного средства принятия решений категории «добродетель», как милосердия вышестоящих к нижестоящим и уважения нижестоящих к вышестоящим.

Из этого следует очень важный вывод: такие культурные категории как «свобода», «справедливость», «доверие» и «добродетель» становятся значимыми для принятия решений только в

соответствующих обществах, обществах, где эти категории необходимы для снятия противоречий и проблем, вызванных особенностью общественного культурного самоопределения. «Свобода» нужна в обществе, построенном на принципах равенства и индивидуализма, но теряет свою значимость, например, в системах, построенных на равенстве и коллективизме или неравенстве и индивидуализме.

При этом отчуждающая культура, доминирующая ныне только в цивилизации Запада, должна рассматриваться как наиболее молодая и недооформившаяся культура из числа ведущих глобальных сообществ. Другие, более древние и культурно развитые цивилизации не могут и не должны признавать западноевропейские ценности, в качестве общечеловеческих. Реально общечеловеческой может быть только система ценностей, в которой ценности всех глобальных культур признаются равнозначными. Следовательно, общечеловеческие ценности должны содержать намного больше норм, как по их числу, так и по глубине регламентации человеческой деятельности.

Третье следствие заключается в том, что адекватный подход к построению системы общечеловеческих ценностей повлечет за собой наиболее существенные изменения норм деятельности именно для цивилизации Запада, и наименьшее – для дальневосточной цивилизации, которая является консолидирующей.

Исходя из вышесказанного, автор делает вывод, с которым нельзя не согласиться: «С этой точки зрения попытка в России принять европейскую модель за образец нормативного регулирования выглядит как стратегически неверная, сродни импорту устаревших технологий, исключающих возможность получения хоть каких-то конкурентных преимуществ. А проектирование территориальных систем управления требует применения опережающих технологий... Реально общечеловеческой может быть только система ценностей, в которой ценности всех глобальных культур признаются равнозначными».

Далее автор формулирует общую теорию координации хозяйствующих субъектов с учетом культурных ценностей общества, в которых они функционируют и общую теорию организаций [21-22].

Определив понятие «организация» как проект кооперативной деятельности, направленный на снижение неопределенности получения заказанного результата посредством иерархической координации управленцев и исполнителей, первые из которых обеспечивают прием заказа, проектирование и обеспечение реализуемости проекта, а также снятие затруднений в своей деятельности посредством снабжения ее соответствующими ценностными, языковыми, концептуальными, методическими и техническими средствами, а вторые – реализуют проект, автор формулирует необходимые и достаточные условия возникновения организации.

И это общественный заказ на реализацию инновационного или предпринимательского проекта в условиях однородной или неоднородной рыночной координации [23]. Заказчик же является и потребителем результатов деятельности организации, и основным заинтересованным лицом в ее существовании. Организация, призванная снять неопределенность в получении дохода инвестором, называется фирмой или коммерческой организацией. Соответственно, типом управления коммерческой организации является такое управление, которое максимизирует доходность организации и минимизирует риск его получения. Попытки разработчиков теории фирмы приписать коммерческим организациям иные цели бессмысленны. Иных целей нет.

Основным денежным потоком в фирме является инвестиционный денежный поток, важнейшим финансовым документом – отчет о прибылях и убытках. Заказ на размещение инвестиций принимают финансовые подразделения организации, поэтому финансовый менеджмент становится доминирующей отраслью менеджмента. Накопление имущественного капитала, связанное с заменой труда более производительными средствами производства, есть важнейшее средство снижения неопределенности отношений внутри организации. Денежный поток от реализации продукции в этом случае становится вспомогательным денежным потоком. Потребители, поставщики и наемные работники в этой модели становятся управляемой в интересах инвесторов частью исполнительского бизнес-процесса.

При этом, если мы ставим в качестве основной экономической цели не максимизацию эффективности инвестиций, а, например, максимизацию качества жизни, объема инвестиций, занятости, скорости инноваций или минимизацию использования ресурсов или загрязнения окружающей среды, то современные инвестиционные институты, обеспечивающие инвестиции как в собственные, так и в заемные средства предприятий, не соответствуют таким задачам. Их смена, по мнению автора, требует ни много, ни мало, социальной революции.

С точки зрения функционирования всего общества экономика нужна для физического и культурного воспроизводства человечества. Грубо говоря, там, где не рождают или плохо воспитывают детей – экономика плохая. Но теперь возникает намного более сложный вопрос о том, как этот очевидный критерий фиксируется в сознании высшего менеджмента? Какими мыслительными средствами высший менеджмент будет удерживать этот критерий выше своих личных и очевидных потребностей – борьбы и удержания власти и концентрации в своем распоряжении стратегических ресурсов? Ответ очевиден и

парадоксален одновременно, как отмечает сам автор. Только нравственным воспитанием милосердия к людям [26]. Любая другая управленческая технология неизбежно породит тирана и тоталитарное общество, что в общем-то имеет место быть во многих общественных образованиях, будь-то государства, организации, секты.

Основные практические выводы, сделанные в третьей главе, которые хотелось бы обозначить:

- институт заемного инвестирования должен быть запрещен, точно так же, как запрещено воровать или не платить налоги;

- в условиях неоднородной децентрализованной рыночной координации [24] ограничением деятельности хозяйствующих субъектов являются знания, как основа конкурентных преимуществ и монопольного положения на рынке. Носители знаний – люди.

- важнейшим дискуссионным вопросом является вопрос о праве частной собственности на средства производства, которое и порождает конкурентные преимущества в форме месторасположения, размеров предприятия и доли на рынке. Институт частной собственности имеет исключительно знаниевую природу, содержащуюся в сознании людей, пользующихся этим знанием для извлечения дохода [24];

- социальное обеспечение также требует максимизации расходов на развитие человеческого капитала, а не на снятие социальной напряженности;

- прямая демократия должна прийти на смену представительской, что соответствует политической системе, основанной на власти потребителей [25].

Проект сетевого общества и стратегическое применение теоретических результатов настоящего исследования

В четвертой главе монографии автор формулирует основные выводы в виде проекта сетевого общества и рекомендаций по стратегическому применению теоретических результатов настоящего исследования.

Основная идея — это взаимное уважение культурных ценностей друг друга, признание их равноценными и равноправными источниками общечеловеческих ценностей всеми участниками международных отношений. Тем самым, каждое общество как носитель культуры должно иметь право внесения в состав прав человека все исходные ценностные принципы своей культурной традиции. Эти принципы не могут быть отклонены другими. Этот перечень принципов, выдвинутых признающими друг друга суверенными обществами – носителями культур, и есть действительный перечень общечеловеческих ценностей. В международных гуманитарных и экономических отношениях не могут действовать нормы, противоречащие этим общечеловеческим ценностям.

На самом деле, это ни много, ни мало, а полный пересмотр концепции «прав человека», «общечеловеческих ценностей». Но на самом деле де факто этот пересмотр происходит перманентно, может в нецивилизованной форме, но происходит. Точно так же нецивилизованно, как в свое время, в эпоху колониализма и неоколониализма, происходило навязывание либеральных ценностей миру.

В экономике эти мероприятия приведут, к примеру, к исчезновению кредитования на уровне международных отношений. Исчезнет порочная практика закабаления целых государств международными кредитными организациями. Им на смену может прийти такой финансовый институт как Исламский банк. Инвестор, работающий на глобальном рынке сможет получать доход только тогда, когда его вознаграждение по отношению к инвестициям не превышает темпов экономического роста заемщика. Но если там, где действуют либерально-рыночные хозяйственные системы захочется реализовать процентное кредитование, то это их выбор. Никто не будет против.

Что касается России, то территориальные и отраслевые особенности ее экономики позволяют считать ее предрасположенной к асимметрично рыночным или иерархическим отношениям, но инерция российской культуры требует формирования сетевых экономических отношений. И это является основным противоречием выбранному пути, в результате чего была сформировано нормативное обеспечение деятельности организаций, скопированное с западных образцов в пореформенное время и соответствующее требованиям симметрично-рыночной модели.

То есть, правовая система противоречит культурным ценностям. В результате право не исполняется, культура погибает. Этот вывод, сделанный на основе методологической модели, предложенной автором, подтверждается практикой. Обратим внимание на последовательный отход федеральной власти от конституционных гарантий «избирать и быть избранным» каждому гражданину РФ, осуществления поистине общенародного контроля за деятельностью госструктур и отдельных чиновников, отсутствие которого сдерживает развитие страны, сопровождаясь безответственностью и коррумпированностью чиновников всех рангов и другими фактами серьезной «системной болезни» российского общества.

В связи с этим в исследовании отмечаются признаки будущей дезинтеграции России, на фоне которой парад суверенитетов 1990-х годов – всего лишь буря в стакане воды, очевидны уже сейчас и касаются всех россиян. Это деиндустриализация экономики, деинтеллектуализация и депопуляция населения. Исчерпание запасов углеводородов и колонизация извне во всех формах только усугубят эти негативные перспективы. Для предотвращения такого эсхатологического исхода [28] российской цивилизации необходимо существенно менять систему правового регулирования экономической деятельности. Такое изменение, конечно, можно назвать изменением экономического строя общества или, говоря современным языком, построением новой экономической системы.

Нужна ли социальная революция? Нет — в стране все необходимые институты, которые при определенных корректировках могут считаться институтами метауправления, уже существуют. Необходимо всего лишь внести в них некоторые уточнения и изменить приоритеты политики. До боли ситуация напоминает 1990-1993 год, когда тоже было достаточно отдельных коррективов, но принятые решения, ввиду культурных противоречий общественным ценностям оказались деструктивны, что подтверждается десятилетиями шараханья в экономике и политике, отсутствии национальной идеи или даже миссии России, миссии российского народа.

В отсутствии корреляции модели управления культурной среде, даже значительные финансовые ресурсы, поступавшие в страну в течении 2000-2010 гг. от продажи углеводородов не позволили реализовать каких-либо кардинально прорывных проектов. «Непроизводительные» расходы в этой сфере, как в и коммунальном хозяйстве превышают половину всех расходов. Это финансовые, организационные и инфраструктурные ренты, и даже коррупционная составляющая их деятельности, тоже в каком-то смысле рента. Неправильные нормы, привели к мощным, синергетическим эффектам, а на смену пустым декларациями пришла откровенная конфронтация с определенной частью мирового сообщества, да и своим же российским обществом.

Поэтому первейшей конституционной нормой нашего общества должна стать норма приоритета интересов и прав потребителей над интересами и правами инвесторов, трудящихся, изобретателей, предпринимателей и менеджеров. Ориентировочный состав управленческих компетенций потребителей приведен в третьей главе.

Второй конституционной нормой должна стать группа норм, регулирующая отношения между инвесторами всех видов: финансовыми инвесторами, трудящимися, изобретателями, предпринимателями, менеджерами, муниципалитетами и государством.

Третьей и, скорее всего, основной формой реализации предпринимательских идей осуществления крупного бизнеса должно стать участие предпринимателей и изобретателей или их объединений в форме полных товариществ в деятельности организаций в качестве управленцев. В этом случае они инвестируют свой человеческий и интеллектуальный капитал в организации в форме организационного капитала и становятся конечными претендентами на остаток текущего денежного потока от реализации продукции.

Четвертое — в стране наконец-то должна состояться легитимизация власти. Выше уже отмечалось, что власть в России легальна, но нелегитимна. И в первую очередь это связано с отсутствием доверия «избранным» персонажам в политике. У крупного капитала — легитимность тоже сомнительна. Средний и малый бизнес, часть чиновничества, которая не вовлечена в коррупционные схемы, научная и техническая элита, профессионалы воспринимают людей во власти как случайных, несамостоятельных, как креатур то ли спецслужб, то ли крупного бизнеса. Понимая это, власть пытается или «подкупить» людей этого класса, либо уничтожить. В результате власть в регионах, местное самоуправление, партии потеряли лицо, самостоятельность и способность к волеизъявлению.

Доверие – высшая социальная ценность нашего общества [32], основная проблема — потеря доверия. Его восстановление и есть тот общественный заказ, в соответствии с которым должны сформироваться новые государственные институты. Напомним, что именно «доверие» является той культурной категорией, которая компенсирует недостатки модели «коллективизм» - «равенство», характерной для российской хозяйственной системы. В качестве проектов, которые могут решить эту задачу могут быть концептуальные разработки автора - «метауправленец» и «тотальная демократия» [28].

Но этот же класс людей и формирует «критическую массу» для институциональных преобразований и осознания необходимости проведения масштабной модернизации всего общественного устройства или его системно-важных подсистем.

По полученным выводам, сделанным в Главе 4, автор построил следующий прогноз:

- то общество, которое первым поставит бухгалтерский учет на службу потребителям, получит существенные конкурентные преимущества по сравнению с другими обществами:

- максимизирует качество жизни, за счет чего станет наиболее привлекательным для инвестиций в собственный человеческий капитал, следовательно, и в научно-технический прогресс;

- максимизирует инвестиции при существенном падении инвестиционных рисков и политических гарантиях инвесторам;
  - минимизирует использование материальных и человеческих ресурсов, следовательно, ставит экологические критерии основой общественных отношений;
  - обеспечит социальный консенсус интересов капиталистов и наемных работников, минимизировав издержки классовых конфликтов, эксплуатации со стороны капиталистов и оппортунизма со стороны наемных работников;
  - максимизирует ответственность менеджмента за качество своей деятельности.
- социальные группы, которые будут сопротивляться прогнозируемому установлению власти потребителей, лишатся возможности влиять на принятие управленческих решений как на национальном, так и на микроэкономическом уровнях, а при открытом сопротивлении могут быть подвергнуты репрессиям.
- современные технологии реформирования позволяют осуществлять изменение общественных отношений в сжатые сроки, комплексно и без катастрофических социальных издержек.
- политик или государственный деятель, впервые осуществивший предложенный здесь проект, войдет в историю как один из величайших реформаторов в истории человечества [29].

Заключение

Попробуем обобщить ключевые вызовы, стоящие перед Россией, ответом на которые призваны стать исследования авторов, ведущих научный поиск в том же направлении, что М.Ю. Савельев.

Крайне неэффективные экономические решения сочетаются с подавлением той части общества, которое не вписывается в искусственно созданную деловую и чиновничью элиту. Макроэкономическая нестабильность привела к политическим конфликтам, а теперь еще и к политической и экономической изоляции. Хотя этого и следовало ожидать на пути либерально-светлого завтра. За последние сто лет некогда единый народ раскололся, а двадцать пять лет назад развалилась и некогда единая страна. Причем центробежный процесс не останавливается. Он временно затух, но набирающий силу процесс территориального и социального расслоения является миной замедленного действия, грозящей взорвать «национальный суверенитет и единство России».

Вместо решения приоритетных задач для общества российская власть сфокусировалась над совершенно пропагандистскими и коррупционными задачами:

- формированием образа врага в лице западных стран;
- деление бюджета и национальных ресурсов в личных целях между приближенными группами и группировками.

При этом размывается персональная ответственность представителей власти и государственно-олигархического бизнеса за общественно значимые результаты деятельности.

Управленческая безграмотность позволяет сохраняться архаичной системы государственного управления, что выражается в отсутствии регламентирующих механизмов, процедур и институтов, «Личный контроль», «режим ручного управления», «землячество» остается самыми «передовыми» управленческими компенсациями. Это имитация управления, сопровождаемая лозунгами и призывами на тему «умная экономика», «социально-ориентированное государство», «диктатура закона», а теперь еще и «импортозамещения».

Модернизация российского общества требует освобождения общественного развития от всего лишнего, мешающего. Это постоянно осуществляемый процесс расширения возможностей социально-экономического и всего общественного развития за счет использования новых и обновленных институтов и форм (отношений) между субъектами. Эта модернизация есть институциональный процесс, который является необходимой предпосылкой и основой для приведения макроэкономических и других, не модернизированных институтов и форм в соответствие с потребностями конкретного этапа общественного развития.

Модернизации экономики не может быть результативной и законченной без соответствующих изменений в политической, социальной и экологической сферах. Можно сколько угодно наращивать инновационные разработки и торговать ими, но если не будет создана соответствующая инновационно-ориентированная среда, правильное отношение к собственности в этой сфере, эффект от инновационных наработок будут получать другие страны, где это среда сформирована и функционирует;

Целевая и культурологическая направленность модернизации на решение общенациональных проблем, способна консолидировать общество на их решение. Но вместе с постановкой правильных задач в виде удвоения ВВП или повышение энергоэффективности, важно создать механизм сопричастности к этим проблема общества, населения, которая сейчас даже от временных экономических эффектов

получает лишь неопределенные обещания «благополучия в будущем» или «подачки» от социально-ориентированного государства.

В качестве заключения, приведем практические рекомендации, которые следуют из исследований М.Ю. Савельева.

Первое – определены основные направления изменения конституционных норм и норм, регулирующих гражданские и трудовые отношения, определяющих налоговую, кредитно-денежную и структурную политику.

Второй практической областью применения результатов исследования можно назвать изменение системы профессиональной подготовки управленцев и экономистов [3].

Третья область практического применения – проектирование деятельности организаций.

Четвертая – использование результатов настоящего исследования в качестве основы при разработке стратегии развития Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев М. Ю. Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества: [монография]. – Ижевск: Ассоц. по методол. обеспечению деловой активности и обществ. развития «Митра», 2015.
2. Савельев М.Ю. Управление межнациональными отношениями и этносоциальными процессами средствами мультикультурного институционального проектирования в целях прогнозирования, предупреждения и регулирования конфликтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.36-44.
3. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Методологическая культура как предвестник новой парадигмы экономической науки: что нужно делать с образованием высших управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.470-479.
4. Савельев М.Ю. На пути к новой парадигме экономической и управленческой науки // Менеджмент: теория и практика. 1999. № 3 – 4. С. 42 – 63.
5. Савельев М.Ю. Проект парадигмы синергизма экономической науки // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.28-35.
6. Савельев М.Ю. Свойства экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.52-64.
7. Савельев М.Ю. Структурный анализ текстов по самоорганизации и самовоспроизведению // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.96-103.
8. Савельев М.Ю. Синергетическая структура текстов социальных теорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.127-137.
9. Савельев М.Ю. Синергетическая структура денежной системы // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.150-154.
10. Савельев М.Ю. Критика теорий переходной экономики // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И.

Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.155-159.

11. Савельев М.Ю. Специфика разработки теоретических знаний для управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.45-51.

12. Савельев М.Ю. Онтологическая критика теорий постиндустриального общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.160-168.

13. Савельев М.Ю. Основное экономическое противоречие современной эпохи // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.366-369.

14. Савельев М.Ю. Постиндустриальные инструменты управления социально-экономическим неравенством территорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.253-259.

15. Савельев М.Ю. Как глобализация и традиционализация экономики меняют экономическую картину мира // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.210-219.

16. Савельев М.Ю. Как западные институты и традиции хозяйствования ограничивают развитие в иных культурных средах // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.177-195.

17. Савельев М.Ю. Институциональное взаимопроникновение хозяйственных традиций мира // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.196-209.

18. Савельев М.Ю. Исследование аутентичности культуры и экономических отношений // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.230-241.

19. Савельев М.Ю. Современные изменения в структуре экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.260-265.

20. Савельев М.Ю. Общая теория координации хозяйствующих субъектов (культурный контекст) // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.281-296.

21. Савельев М.Ю. Общая теория организации (культурный контекст) // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.297-314.

22. Савельев М.Ю. Исследование влияния культурных сред на неопределенность управления // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.315-320.

- средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.324-336.
23. Савельев М.Ю. Применение общей теории организации к проектированию инвестиционных институтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.337-344.
24. Савельев М.Ю. Окончательное решение классового вопроса: модель рент дисциплины и лояльности // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.345-361.
25. Савельев М.Ю. Тотальная демократия, социальный капитал и рента доверия // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.391-401.
26. Савельев М.Ю. Организационный капитал и рента конечного претендента // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.402-414.
27. Савельев М.Ю. Сетевая модель международных отношений // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.415-418.
28. Савельев М.Ю. Проект сетевого общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.419-431.
29. Савельев М.Ю. Исторические проблемы методологии бухгалтерского учета // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.455-460.К
30. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Комплекс оценочных показателей инвестиционных процессов региона. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2007. 232 с.
31. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Категориальный аппарат в системе государственного контроля инвестиционных процессов. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008. 53 с.
32. Савельев М.Ю. Обеспечение безопасности страны средствами культурообусловленного проектирования знаниепроизводящих социально-экономических институтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.432-438.С
33. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Из материалов программы «Развитие Удмуртии»: образование и наука // Менеджмент: теория и практика. 2000. № 5. С. 80 – 85.
34. Савельев М.Ю. Может ли УдГУ быть исследовательским университетом // Проблемы региональной экономики, № 4-5, 2011. С. 164-170.
35. Савельев М.Ю. О стратегическом развитии Института экономики и управления Удмуртского государственного университета // Проблемы региональной экономики, 2014, № 1-2, С 315-319.
36. Савельев М.Ю. Удмуртскому госуниверситету нужна новая стратегия развития // Наука Удмуртии, № 2 (72), 2015. С. 123-133.
37. Савельев М.Ю. и др. Предпринимательский климат Удмуртской Республики. Портрет региона для инвесторов и предпринимателей: Докл. Асс. «Митра». Под ред. М.Ю. Савельева. // Митра-Консультант. 1999. № 1. С. 3 –51.
38. Савельев М.Ю. и др. Административные и налоговые барьеры на пути экономического развития в муниципальных образованиях и субъектах федерации Приволжского федерального округа Под ред. М.Ю.

- Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 7-188.
39. Савельев М.Ю. и др. Разработка моделей структуры и функций органов управления реальным сектором экономики регионов и муниципальных образований Российской Федерации в целях устойчивого развития и предотвращения структурных кризисов в условиях переходной многоукладной экономики. Под ред. М.Ю. Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 189-477.
40. Савельев М.Ю. Из материалов программы «Развитие Удмуртии»: демографическая политика. // Менеджмент: теория и практика. 2000. № 5. С. 78 – 79.
41. Савельев М.Ю. Возможные направления изменения структуры Правительства Удмуртской Республики по управлению реальным сектором экономики. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 215 – 239.
42. Савельев М.Ю. Аналитическая записка «Критика концепции проекта «Расширенный федерализм, сетевое государство и субсидиарность» (доклад С.В. Кириенко)» // Гражданское общество: практические и научно-методические аспекты. – Ижевск, 2002. С. 41 – 43.
43. Савельев М.Ю. Направления оптимизации территориальной системы управления Российской Федерации в целях развития гражданского общества // Власть и общество: Гражданское участие. – Ижевск, 2003. С. 31 – 68.
44. Савельев М.Ю. Асимметричные формы конкуренции национальных и субнациональных территорий // Проблемы и перспективы развития национальной экономики. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ, 2006. С. 16-20
45. Савельев М.Ю. Соловьев А.Б. Оценка экономической безопасности регионов на основе статистических методов анализа финансовой отчетности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 39-48
46. Савельев М.Ю. Проблемы управляемости и устойчивости финансово-экономической системы России: системный синергетический подход. Модель бюджетных денег. // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 182 – 189.
47. Савельев М.Ю. Институциональная реформа Сбербанка: как сохранить доминирующее положение на рынке и сделать работу эффективной. // Пробл. регион. экономики, № 4-5, 2011. с. 216-223.
48. Козырев М.С., Савельев М.Ю. и др. Демонполизация и развитие новых форм управления рынком жилищно-коммунальных услуг в Удмуртской Республике. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 205 – 214.
49. Савельев М.Ю. и др. Эффективная и прозрачная жилищно-коммунальная политика. // Митра-Консультант. 2002. № 3. С. 5 – 104.
50. Жукова Д.В. Савельев М.Ю. Исследование организации регионального энергоснабжения на основе модели кооперативной системы деятельности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 147-163
51. Савельев М.Ю. Кому выгодна реструктуризация предприятия? Проблемы развития консультационного рынка России // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 190 – 194.
52. Поляков Ю.Н., Савельев М.Ю., Спиркин А.В. Бизнес-планирование. Учебно-практическое пособие. Второе издание. Ижевск, 2007. 204 с.

A.I. Tatarkin

THE POLITICAL ECONOMY OF TRADITIONALISM AS THE BASIS OF RUSSIA SURVIVAL

The essential methodological and ontological basis, theoretical and practical results of the study "Multicultural institutionalism. Civilizations general economic theory. The political economy of traditionalism. Network society project" by M. Yu. Savelyev are described in the context of economic system development on the basis of cultural values. The significance of the results to determine priorities for the socio-economic system and governance in Russia, faced with the destructive effects of market economy and liberal ideology, is emphasized. The article addresses the very main author's hypotheses due to the existing paradigm of economic theory is revised because its limitations to design and development of institutional changes through cultural values and individuality of different societies are being insuperable. The model for international relations renovation with a truly "universal values" when dominant liberal-market norms are turning into ordinary ones is proposed. As a conclusion, the practical measures for the network society creation in Russia and economy based on the conventional or invariant norms and values are produced.

Keywords: political economy, traditionalism, multicultural institutionalism, cultural values, the network society, the economic paradigm, coordination, organization, power consumers, rents loyalty, accounting, supraconstitutional institutions, knowledge economy, modernization, self-reproducing system, opportunism investors, opportunism workers, opportunism managers.

Татаркин Александр Иванович,
академик РАН, доктор экономических наук,
профессор,
Директор Института экономики УрО РАН,

Tatarkin Alexander,
academician RAS, doctor of economic sciences,
professor,
Director of the Institute of Economics of UB RAS,

620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
тел. +7 (343) 371-45-36
tatarkin_ai@mail.ru

620014, Yekaterinburg, ul. Moscow, d. 29
tel. 7 (343) 371-45-36
tatarkin_ai@mail.ru